

Научная статья

УДК 343.01, 343.91, 343.98, 344.65

EDN TJCSIW

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).712-725

КАТЕГОРИЯ «ВОЗРАСТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЯ» И ЕЕ ОЦЕНКА В НАУКАХ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Н.Ю. Литвинцева¹, М.А. Сутурин^{2,3}, И.А. Фомина⁴

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Российская Федерация

³ Аппарат Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, г. Иркутск, Российская Федерация

⁴ Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 декабря 2022 г.

Дата онлайн-размещения

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Возраст; возрастные характеристики; возраст преступника; субъект преступления; личность преступника; несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства; тактика производства следственных действий

Аннотация. В статье представлен анализ комплексного междисциплинарного подхода к изучению категории «возраст» в науках криминального цикла с целью выработки единых методов уголовной политики в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних с позиций криминологии, уголовного права, уголовного судопроизводства и криминалистики. Вариативность позиции законодателя в оценке категории «возраст», особенно в контексте формирования понятийного аппарата для применения к несовершеннолетним и субъекту (личности) преступника, диктует необходимость использования нестандартной методологии и знаний в рамках научных исследований. Проблемы определения возраста несовершеннолетия позволили применить общенаучные способы познания для всестороннего, детального и глубокого рассмотрения данной категории. Антисоциальное поведение — это широкое понятие, которое охватывает не только правонарушения и преступления, но и деструктивное поведение подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, такое, например, как немотивированная агрессия. Междисциплинарный подход к исследованию категории «возраст» позволил не только детально проанализировать составные элементы, лежащие в основе ее функционирования, и их влияние на существующую в государстве уголовную политику *parens patriae* (принцип права, согласно которому защита интересов несовершеннолетних является важнейшей задачей государства), но и расширить границы стандартного аддитивного понимания и трактования данной категории с целью ее более правильного уяснения. Современные доктринальные позиции, доказывающие наличие закономерностей, согласно которым возраст субъекта, совершившего преступное деяние, напрямую влияет на вероятность рецидива, предъявляют требования к модернизации воззрений на возрастное распределение преступности, которое достаточно инвариантно в широком диапазоне социальных условий. Соответственно, существующее в законодательстве и используемое в правоприменении возрастное распределение преступности не оправдано имеющимися доказательствами. Междисциплинарная оценка категории «возраст» позволила не только расширить применение существующих современных подходов к использованию данной категории в законодательстве и правоприменительной практике, но и сформировать инновационные направления научной деятельности по достижению положительных изменений в области предупреждения преступности несовершеннолетних.

Original article

THE CATEGORY «THE AGE OF MAJORITY» AND ITS ASSESSMENT IN PENAL SCIENCES: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

Natalya Yu. Litvintseva¹, Mikhail A. Sutturin^{2,3}, Inna A. Fomina⁴

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, the Russian Federation

³ Commissioner for Human Rights in Irkutsk Region, Irkutsk, the Russian Federation

⁴ East Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2022 September 10

Abstract. The article presents a complex analysis of an interdisciplinary approach to studying the category «age» in penal sciences with the purpose of working out unified methods of criminal policy in the sphere of counteracting underage crime from

Accepted
2022 December 15
Available online
2022 December 20

Keywords

Age; age-related characteristics; age of the offender; subject of crime; personality of the offender; underage participant of criminal proceedings; tactics of investigation actions

the standpoints of criminology, criminal law, criminal proceedings and criminalistics. The variability of the positions of lawmakers in the assessment of the «age» category, especially within the context of developing the conceptual apparatus that will be used for minors and the subject (personality) of the criminal makes it necessary to use unorthodox methods and knowledge within the framework of scientific research. The problems of determining the age of minority made it necessary to use general scientific research methods for a comprehensive, detailed and deep analysis of this category. Antisocial behavior is a wide concept encompassing not only offences and crimes, but also destructive actions of teenagers who have not reached «the age of majority» for criminal offences, for example, unmotivated aggression. The interdisciplinary approach to researching the «age» category allowed the authors not only to conduct a detailed analysis of the elements forming the basis of its functioning, and their influence on the existing state criminal policy of *parens patriae* (legal principle declaring the protection of the interests of minors as an essential task for the state), but also to expand the boundaries of a standard additive understanding and interpretation of this category with the purpose of its proper clarification. Contemporary doctrinal positions proving the existence of regularities, according to which there is a direct correlation between the age of the subject and the likelihood of a repeat offence, make it necessary to modernizing the views on the age distribution of crime, which is rather invariant in a wide range of social conditions. Correspondingly, the age distribution of crime included in the legislation and used in law enforcement is not justified by the existing evidence. The interdisciplinary assessment of the «age» category made it possible not only to widen the application of contemporary approaches to the use of this category in legislation and law enforcement practice, but also to formulate innovative directions of scientific research aimed at achieving positive changes in the prevention of underage crime.

Анализ некоторых аспектов законодательного и правоприменительного подхода к определению и фиксации возрастных особенностей участников процесса отправления уголовного правосудия, где объектом рассмотрения выступает формально закрепленная возрастная категория «несовершеннолетние», имеет отдельное значение с точки зрения межотраслевого, междисциплинарного исследования.

Девиантное поведение человека объективно привлекает внимание различных отраслей научного знания. Интерес к изучению преступного поведения несовершеннолетних закономерно обусловлен общественно опасным потенциалом, который оно в себе содержит. Преступность несовершеннолетних обладает определенными особенностями, и в первую очередь не содержанием ее количественных и качественных характеристик (состояние, структура, характер), а тем, что криминальное поведение несовершеннолетних нередко перерастает в криминальное поведение тех же лиц, но уже находящихся в формальном статусе совершеннолетних. Исследование этих вопросов традиционно привлекает внимание ученых не только в России, но и за рубежом [1–3].

В последние годы в Российской Федерации в целом и в Иркутской области в частности наблюдается статистическое снижение регистри-

руемого числа преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, и, соответственно, уменьшение количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (табл. 1).

Несмотря на вполне оптимистичную статистическую картину, демонстрирующую снижение криминальной активности несовершеннолетних, необходимо понимать истинные причины складывающейся ситуации. По мнению многих специалистов в области криминологии, обоснованием статистического снижения количественных показателей преступности несовершеннолетних выступают корреляционные связи с демографической структурой населения. Проще говоря, наблюдается количественное сокращение доли несовершеннолетних в общей структуре населения, в результате чего вполне закономерно снизился удельный вес преступности данной возрастной группы.

Подобного рода ситуация, с одной стороны, не исключает некоторого оптимизма при прогнозировании тенденций снижения количественных показателей рассматриваемого вида преступности. С другой стороны, определенного рода тревогу вызывает ее предсказуемость. Речь идет о том, что можно предположить повышение преступной активности несовершеннолетних, поскольку формального возраста уголовной

Таблица 1 / Table 1

Динамика количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, и количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, в 2017–2021 гг. в Российской Федерации и Иркутской области***Dynamics of the number of registered crimes committed by minors or with their participation, and the number of identified minors who committed crimes in 2017–2021 in the Russian Federation and in Irkutsk Region**

Показатель / Indicator	2017	2018	2019	2020	2021
Зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии / Registered crimes committed by minors or with their participation	<i>Российская Федерация / The Russian Federation</i>				
	45 288	43 553	41 548	37 771	31 865
	<i>Иркутская область / Irkutsk Region</i>				
	1 570	1 461	1 266	1 150	1 016
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления / Identified minors who committed crimes	<i>Российская Федерация / The Russian Federation</i>				
	42 504	40 860	37 953	33 575	29 126
	<i>Иркутская область / Irkutsk Region</i>				
	1 647	1 550	1 280	1 111	1 000

* Составлена по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации (URL: http://crimestat.ru/offenses_map).

ответственности достигает количественно достаточно представленная масса детей, период рождения которых приходится на время демографического всплеска — 2007–2012 гг.

Тем не менее думается, что наблюдаемая сегодня картина преступности несовершеннолетних не должна ложно успокаивать специалистов в области наук криминального цикла¹, а именно криминологии, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Более того, именно складывающаяся, а тем более прогнозируемая ситуация должна стимулировать ученых и практиков к проведению междисциплинарных исследований в рассматриваемой сфере с целью выработки максимально приемлемых, апробированных подходов к решению вопросов социального контроля над преступностью несовершеннолетних.

Следует акцентировать внимание на одной из самых значимых количественно-качественных социально-демографических характеристик, входящих в структуру и влияющих на уровень физического и социально-психологического развития личности, — категории «возраст». При этом данную категорию предлагается рассмотреть с позиций криминологии, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, поскольку при исследовании лич-

ности преступника чаще всего вопрос изучения именно возраста приобретает особое значение в рамках наук криминального цикла. Междисциплинарный подход к исследованию возраста позволит использовать оптимальные методы в рамках разработанной общей стратегии уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних и общие принципы защиты и охраны их прав и законных интересов.

При исследовании понятия «субъект преступления» необходимо опираться на содержательный подход, характеризуя данную категорию через совокупность признаков, одним из которых является возраст, а при охране прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в рамках уголовно-процессуального законодательства значение придается их психофизиологическим, социально-психологическим и, конечно же, возрастным особенностям.

На необходимость точного установления возраста несовершеннолетнего при привлечении его к уголовной ответственности обращается особое внимание в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. № 1: «В соответствии со статьями 19, 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части 1 статьи 421, статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установление возраста несовершеннолет-

¹ Данное словоупотребление традиционно используется в юридической науке [4]. Некоторые журналы содержат самостоятельную рубрику — науки криминального цикла (см., например: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 1).

него обязательно, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, и является одним из условий его уголовной ответственности. Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица»². Этот подход оправдан, но не является единственным и априори правильным.

Без сомнения, личность преступника — краеугольный камень исследования в такой науке, как криминология. Это обусловлено самим существованием преступности и преступления, а также необходимостью стремления к предупреждению данного явления посредством воздействия на личность с девиантным поведением. Ведь именно преступник является носителем преступного поведения. Однако планомерное и, что не менее важно, всестороннее рассмотрение отдельных характеризующих элементов личности, будь то личность преступника, личность потерпевшего или личность свидетеля, в своей совокупности и многоаспектности позволит выработать комплексные междисциплинарные рекомендации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Представляется, что центральным звеном в этой цепочке является личность преступника как совокупность ее анатомических, социально-демографических, психологических, нравственных, ролевых свойств и качеств, многогранный и многоаспектный субстрат. И именно учет этого, а также современных потребностей теории и практики предупреждения преступности несовершеннолетних детерминирует при ее дальнейшем изучении применение междисциплинарного подхода, коррелирующего понимание общих элементов ее характеристики.

Личность преступника в том или ином аспекте выступает предметом изучения всех наук криминального цикла. Конечно, в основе такого изучения лежат разные методологические подходы, но совокупность полученных знаний в полном объеме позволяет более точно ответить на вопросы понимания категории

² СПС «КонсультантПлюс».

«личность преступника» и ее составных элементов, предопределяющих и дифференцирующих отдельную личность как преступную.

Возраст, безусловно, один из важнейших элементов, характеризующих любую личность (в нашем случае личность подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего), тем или иным статусным образом включенную в механизм реализации уголовно-правовых, уголовно-процессуальных правоотношений.

Представляется, что сложившаяся в последние десятилетия законодательная и правоприменительная практика свидетельствует о неполном учете возрастных особенностей участников уголовного судопроизводства (в его широком понимании) — лиц, формально признающихся несовершеннолетними (здесь мы имеем в виду все категории: лицо, не достигшее 12-летнего возраста, лицо, не достигшее 14-летнего возраста, и т.д.). В этой связи наблюдается определенная непоследовательность законодательного подхода. Это выражено, например, в существенном изменении уголовной политики в отношении несовершеннолетних (в контексте усиления карательно-репрессивной составляющей)³. Так, федеральными законами «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ и «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ⁵ был существенно расширен перечень составов преступлений (ч. 2 ст. 20 УК РФ), в которых возрастным критерием субъекта выступает достижение им 14-летнего возраста. В Пояснительной записке к проекту федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ указывалось, что «с учетом специфики ряда преступлений уголовным законодательством в настоящее время предусматривается уголовная

³ Следует отметить, что законодатель, включив в 1996 г. в Уголовный кодекс РФ раздел V «Уголовная ответственность несовершеннолетних», сделал огромный шаг вперед на пути учета возрастных особенностей при реализации наиболее карательного (уголовно-правового) воздействия на лиц, совершивших преступные деяния в несовершеннолетнем возрасте.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2014. № 48. Ст. 6651.

⁵ Там же. 2016. № 28. Ст. 4559.

ответственность в отношении лиц, достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. К таким преступлениям отнесены убийство, похищение человека, кража, террористический акт, захват заложников и др. Законопроектом предлагается восполнить законодательный пробел, установив аналогичный возрастной порог за преступления террористической направленности, которые совершаются умышленно и несут особую опасность для общества, очевидную для субъекта совершения преступления»⁶. При этом авторы данной законодательной инициативы не аргументировали «очевидность особой опасности для общества» для подростков именно 14-летнего возраста.

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1039101-6>.

Данные о реализации уголовной ответственности за преступления, за которые нижняя рамка возможности привлечения к уголовной ответственности в 2016 г. была понижена до 14 лет, приведены в табл. 2.

Можно констатировать, что, во-первых, по некоторым составам преступлений (ст. 211, 277, 360, 361 УК РФ) в рассматриваемый период не выявлено (не зарегистрировано) ни одного преступления, субъектом которых являлись бы несовершеннолетние в целом. Во-вторых, у возрастной группы 14–15-летних минимизирована криминальная активность в контексте совершаемых преступлений рассматриваемой категории по сравнению с более старшими подростками. Кроме того, анализ материалов уголовных дел о преступлениях, по которым вступили в законную силу приговоры суда (по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ — участие в деятельности террористической организации или по ч. 2 ст. 212 УК РФ — участие в массовых беспорядках), не позволяет сделать однозначный вывод о том, что, например, ис-

Таблица 2 / Table 2

Динамика количества несовершеннолетних, осужденных за некоторые составы преступлений, ответственность за которые с 2016 г. установлена с 14 лет, в 2018–2021 гг. в Российской Федерации, чел.*

Dynamics of the number of minors convicted for crimes, for which in 2016 the age of criminal responsibility was set at 14 years of age, in 2018–2021 in the Russian Federation, persons

Состав преступления / Crime	Возраст, лет / Age	2018	2019	2020	2021
Статья 205.3 УК РФ (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности) / Art. 205.3 of the CC of the RF (training for terrorist activities)	14–15	0	0	0	0
	16–17	1	0	2	0
	<i>Всего / Total</i>	1	0	2	0
Часть 2 ст. 205.4 УК РФ (участие в террористическом сообществе) / Part 2, Art. 205.4 of the CC of the RF (participation in a terrorist community)	14–15	0	0	0	0
	16–17	0	0	1	0
	<i>Всего / Total</i>	0	0	1	0
Часть 2 ст. 205.5 УК РФ (участие в деятельности террористической организации) / Part 2, Art. 205.5 of the CC of the RF (participation in the activities of a terrorist organization)	14–15	0	0	1	1
	16–17	2	1	4	3
	<i>Всего / Total</i>	2	1	5	4
Статья 205.6 УК РФ (несообщение о преступлении) / Art. 205.6 of the CC of the RF (not reporting a crime)	14–15	0	0	0	2
	16–17	0	0	2	2
	<i>Всего / Total</i>	0	0	2	4
Часть 2 ст. 208 УК РФ (участие в незаконном вооруженном формировании) / Part 2, Art. 208 of the CC of the RF (participation in an illegal armed group)	14–15	0	0	0	0
	16–17	6	5	0	1
	<i>Всего / Total</i>	6	5	0	1
Часть 2 ст. 212 УК РФ (участие в массовых беспорядках) / Part 2, Art. 212 of the CC of the RF (participation in mass riots)	14–15	0	0	1	0
	16–17	18	13	5	1
	<i>Всего / Total</i>	18	13	6	1

* Составлена по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ (URL: <http://www.cdep.ru>).

тинная мотивация лиц, участвующих в деятельности террористической организации, в возрасте 14–15 лет коррелирует с мотивационной, «идеологической» составляющей терроризма в целом. Думается, что в большей степени подобного рода действия 14–15-летних подростков, как, впрочем, и участие в массовых беспорядках, обусловлены особенностями всех детей данного возраста — игровой мотив, конформизм и т.д. А это, в свою очередь, характерно для преобладающей части всех совершаемых несовершеннолетними преступлений.

Представляется, что категория «очевидность особой опасности для общества» для несовершеннолетнего в рассматриваемом возрасте является сугубо оценочной, и ее определение не лежит в области права. Считаем, что приоритетность ее констатации остается за специалистами в области возрастной психологии, педагогики, физиологии.

Кроме вопросов определения возрастных границ возможности привлечения к уголовной ответственности, полагаем вполне уместным обозначить и проблемы, связанные с определением возрастных границ несовершеннолетнего потерпевшего (жертвы преступления). Не вдаваясь в глубокий анализ этих вопросов (поскольку это предмет более подробного рассмотрения, например, с позиций виктимологической доктрины), обозначим лишь следующее. Так, не совсем понятной представляется дифференциация несовершеннолетнего потерпевшего. В частности, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132 УК РФ устанавливают повышенную уголовную ответственность за половые посягательства в отношении несовершеннолетнего (-ей). А особо квалифицированные составы соответствующих статей (п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ) предполагают еще более повышенную уголовную ответственность за половые посягательства в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста. Данная редакция рассматриваемых норм была введена федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ⁷. В Пояснительной записке к проекту закона в качестве необходимости его принятия указывалось только на «увеличение количества преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в течение последних лет» и на то, что «предлагаемые изменения законодательства

⁷ Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.

Российской Федерации позволят значительно снизить количество преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних»⁸. При этом никакого обоснования дифференциации потерпевших и, соответственно, виновных в совершении данных преступлений по критерию «возраст» представлено не было⁹. Оставляя за рамками нашего исследования вопросы результативности принятых изменений в контексте снижения количества потерпевших — детей, поскольку эта тема также заслуживает отдельного внимания, остановимся лишь на одном моменте. Представляется, что дифференциация потерпевших (потенциально потерпевших) несовершеннолетних внутри их группы недопустима, потому что уровень, формы, методы их защиты и охраны как минимум с позиции уголовного закона должны быть единообразными. В противном случае наблюдается неоднозначная ситуация по отношению к лицу, признанному виновным в совершении преступления против несовершеннолетнего (в нашем примере — преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности): если потерпевший старше 14 лет, то степень общественной опасности совершенного (с формальных позиций) меньше, чем в случае если потерпевший младше 14 лет. Данное положение представляется как минимум нелогичным.

С позиции междисциплинарного подхода к исследованию категории «возраст» не меньшее значение его определение имеет и в сфере уголовного судопроизводства, поскольку понятие «несовершеннолетний» в уголовно-процессуальном законе отсутствует.

Уголовно-процессуальная наука также до сих пор не выработала единого мнения о дефиниции несовершеннолетних различных возрастных категорий. В уголовно-процессуальной литературе высказывались предложения по разграничению понятий «малолетний» и «несовершеннолетний». В частности, О.Х. Галимов предлагает под несовершеннолетними понимать лиц, которым к моменту уголовно-процес-

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215694-5>.

⁹ Следует заметить, что и Верховный Суд РФ в своем заключении на рассматриваемый законопроект также указывал на отсутствие должного обоснования предлагаемых изменений.

суального производства не исполнилось 18 лет, а под малолетними — несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет [5, с. 47]. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве понятие «малолетний» поглощено более широким термином — «несовершеннолетний», и в этой связи определение возраста для сферы реализации уголовно-процессуальных отношений приобретает особую актуальность.

При анализе основных международных правовых актов, предписывающих государствам уделять пристальное внимание несовершеннолетним, интерес представляет используемая в них терминология. Так, в некоторых из них употребляется слово «ребенок»¹⁰, в других — «несовершеннолетний»¹¹. Несмотря на их сходство, синонимичными их назвать, очевидно, нельзя, ведь ребенок — это человек в раннем возрасте, до отрочества [6, с. 670]. Полагаем, что термины «ребенок» и «малолетний» идентичны. Вместе с тем в международных документах данные понятия отождествляются. Конвенция о правах ребенка признает таковым каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста¹². В комментариях к Пекинским правилам указано, что возрастные пределы зависят от национальных правовых систем и охватывают широкий диапазон — от 7 до 18 лет или старше.

Специфика дефиниции возрастной группы связана с участием несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Установление возрастных границ позволяет применить особые условия в сфере уголовного судопроизводства. Существование в УПК РФ специальных гарантий

¹⁰ Декларация прав ребенка : принята 20 нояб. 1959 г. резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 385–388 ; Конвенция о правах ребенка : одобрена Генер. Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

¹¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты 29 нояб. 1985 г. резолюцией 40/33 на 96-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

¹² В законодательстве Российской Федерации содержится аналогичная норма (см.: Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ : (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802).

охраны прав несовершеннолетних участников диктуется необходимостью их индивидуальной правовой защиты, обусловленной возрастными, социальными и физиологическими особенностями этой категории лиц. В уголовно-процессуальном праве категория «возраст» имеет отличительное значение, поскольку применяется не только к субъекту преступления, но и к потерпевшему и свидетелю.

В этой связи закономерно возникает два вопроса: во-первых, каков минимальный возраст, с которого несовершеннолетние участники вовлекаются в производство по уголовному делу, а во-вторых, каковы предельные возрастные границы для применения дополнительных процессуальных гарантий. Данные вопросы следует рассматривать применительно к каждому несовершеннолетнему участнику уголовного судопроизводства, учитывая его процессуальную роль, поскольку именно она определяет различный правовой статус и некоторую изменчивость возрастных границ несовершеннолетия.

В уголовном судопроизводстве под несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми понимаются лица, не достигшие к моменту совершения преступления возраста 18 лет, следовательно, законодатель допускает осуществление производства по уголовному делу с некоторыми изъятиями, установленными гл. 50 УПК РФ, и в отношении лица, достигшего к этому моменту совершеннолетия.

Определение минимального возраста вступления данных лиц в уголовное судопроизводство затруднений не вызывает: общим субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ); наряду с ним УК РФ закрепляет целый перечень составов преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Исходя из этого можно определить несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого как лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14-летнего возраста и не достигшее к этому моменту возраста 18 лет. Вместе с тем в науках криминологии и уголовного права остро дискуссионным остается вопрос об установлении основных критериев, определяющих возраст уголовной ответственности, и его нижних границ [7, с. 25–37; 8–11].

В уголовном судопроизводстве сложность вызывает выявление верхней границы допустимого применения специальных правил, закрепленных гл. 50 УПК РФ, ведь по смыслу ч. 1

ст. 420 УПК РФ их реализация возможна и в отношении совершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Обоснованным видится введение верхней границы и определение предельного возраста, по достижении которого к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, подсудимому могут применяться положения гл. 50 УПК РФ, поскольку «вряд ли целесообразно и разумно сохранять подобные дополнительные гарантии бесконечно» [12, с. 11].

Верным представляется предложение Е.В. Марковичевой о включении в ст. 420 УПК РФ нормы, устанавливающей, что требования гл. 50 УПК РФ не могут применяться в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет, если ко времени производства по уголовному делу они достигли возраста 21 года [13, с. 145]. Поддерживая указанную позицию, следует заметить, что уголовное судопроизводство по своему характеру более других отраслей законодательства вторгается в сферу прав человека, ограничивая их, и именно поэтому возраст уголовно-процессуального несовершеннолетия следует повысить.

На основании общих правил определения несовершеннолетия под несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями понимаются лица, не достигшие возраста 18 лет, что означает применение к ним особых правил, если на момент приобретения ими соответствующего процессуального статуса потерпевшего или свидетеля они не достигли возраста 18 лет. В отношении же подозреваемых, обвиняемых и подсудимых действуют иные положения, позволяющие применять специальные правила и по достижении ими 18 лет.

Действительно, в данном случае видится некоторая несправедливость и отступление от принципа равноправия сторон, поскольку если в отношении несовершеннолетнего потерпевшего совершено преступление, а возбуждение уголовного дела, предварительное расследование или судебное разбирательство осуществляются после достижения им 18 лет, то на особенности производства с его участием он может не рассчитывать. Думается, что под несовершеннолетним потерпевшим следует понимать лицо, не достигшее к моменту производства по уголовному делу возраста 21 года. В этой связи для единообразного понимания возраста несовершеннолетия участников уголовного судопроизводства следует закрепить это положение в нормах УПК РФ и по отношению к свидетелям.

Еще большую сложность вызывает определение возрастных границ несовершеннолетнего свидетеля. В УПК РФ не определен возраст, по достижении которого лица допускаются для участия в уголовном судопроизводстве в качестве свидетелей.

В юридической литературе обосновывается необходимость установления нижнего возрастного порога для допроса несовершеннолетних свидетелей, поскольку законодатель, дифференцируя возрастные границы и предусматривая гарантии защиты их прав при производстве следственных действий (непрерывность и продолжительность их производства), ограничился формулировкой «в возрасте до семи лет» (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Так, В.С. Латыпов предлагает не допрашивать лиц, не достигших возраста шести лет, за исключением случаев, когда совершено тяжкое или особо тяжкое преступление либо преступление против половой неприкосновенности, единственным свидетелем которого являлся несовершеннолетний, не достигший возраста шести лет [14, с. 108].

Представляется обоснованным суждение С.В. Тетюева о том, что по своим возрастным особенностям ребенок пяти лет, наблюдавший, как совершается преступление небольшой или средней тяжести, ничем не отличается от ребенка пяти лет, ставшего очевидцем тяжкого или особо тяжкого преступления [15, с. 120].

Способность несовершеннолетних правильно воспринимать события и давать о них правильные показания во многом определяется их индивидуальными особенностями, характером событий, о которых они допрашиваются, а также их участием в этих событиях. Несовершеннолетние свидетели, несмотря на особенности их психики, могут сообщить ценные сведения об обстоятельствах совершенного преступления. Поэтому, думается, невозможно заранее определить формальную возрастную грань для допуска несовершеннолетних в качестве свидетелей. Учитывая это, в каждом конкретном случае целесообразно привлекать психолога для определения возможности дачи показаний несовершеннолетним свидетелем, не достигшим возраста семи лет.

Участие несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по-своему уникально и, безусловно, требует повышенного внимания со стороны лиц, его осуществляющих. Бесспорно, унифицировать процессуальный статус несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства

производства невозможно, поскольку их права, обязанности и ответственность зависят от выполняемых ими функций (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый — функция защиты, потерпевший — функция обвинения, свидетель — функция содействия правосудию). Несмотря на это, в процессуальном статусе несовершеннолетнего можно выделить универсальные процессуальные гарантии защиты его прав и законных интересов. Большинство из них реализуется в ходе производства следственных действий. Несомненно, формат данной работы не позволит рассмотреть все процессуальные особенности участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, поэтому наше внимание будет сосредоточено на тех, которые являются или должны быть общими для всех несовершеннолетних лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу.

Во-первых, УПК РФ устанавливает особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних (ст. 191, 280, 425). Однако перечень этих действий неодинаковый: по отношению к несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям предусмотрены особенности проведения допроса, очной ставки и проверки показаний, а по отношению к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и подсудимым — лишь особенности допроса. Здесь, в принципе, думается, невозможно ограничить применение специальных условий производством только каких-то конкретных следственных действий, так как установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, может потребовать проведения любого из закрепленных в УПК РФ следственных и судебных действий. Поэтому считаем целесообразным внести изменения в указанные нормы уголовно-процессуального закона, предусмотрев наименование ст. 191, 280, 425 УПК РФ в следующей редакции: «Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних».

Во-вторых, УПК РФ предусматривает участие законных представителей несовершеннолетнего при производстве по уголовному делу, однако и это участие различается в зависимости от процессуального статуса несовершеннолетнего. Отчасти это оправданно, поскольку законный представитель наделяется правами представляемого лица. Необходимо обратить внимание именно на процедуру привлечения законных представителей к участию в уголов-

ном судопроизводстве. Так, согласно ч. 2 ст. 45, ст. 48 УПК РФ, для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и подсудимых к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители. А законные представители несовершеннолетнего свидетеля, исходя из буквы закона, лишь вправе присутствовать при производстве некоторых следственных действий (ч. 1 ст. 191 УПК РФ), обязательное же их участие предусмотрено только для несовершеннолетних свидетелей, не достигших возраста 14 лет (ч. 4 ст. 280 УПК РФ). Анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что законные представители наделены достаточно широким объемом прав, позволяющим осуществлять активные действия по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, и в этой связи использование формулировки «вправе присутствовать» не отражает истинного предназначения этих лиц. Также неясно, чем руководствовался законодатель, предусматривая обязательное участие законных представителей несовершеннолетних свидетелей только для лиц, не достигших возраста 14 лет. Полагаем, что лица категории «несовершеннолетний» в уголовном судопроизводстве вне зависимости от их процессуального статуса и возраста нуждаются в дополнительной защите своих прав, и поэтому участие законных представителей для выражения их интересов является обязательным.

Также требует унификации и порядок допуска законных представителей к участию в уголовном судопроизводстве. Привлечение законных представителей подозреваемых, обвиняемых, подсудимых предполагает вынесение соответствующего постановления (ч. 1 ст. 426, ч. 1 ст. 437 УПК РФ). Вынесение постановления о привлечении законных представителей несовершеннолетних потерпевших и свидетелей законом не предусмотрено. Вместе с тем законное представительство — это представительство, основанное на законе, его деятельность должна носить законный характер, поэтому следователь и суд, допуская законного представителя несовершеннолетнего в качестве участника уголовного судопроизводства, должны вынести постановление.

В-третьих, участие педагога или психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего в большинстве случаев способствует установлению с ним

контакта [16, с. 65], получению более полных и правдивых показаний, более точному фиксации сведений в протоколе следственного действия. Следует заметить, что несовершеннолетние склонны к внушению и фантазированию, подвержены влиянию окружающих, поэтому при производстве следственных действий с участием лиц, не достигших возраста 16 лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно (ч. 1 ст. 191, ч. 3 ст. 425 УПК РФ). Небезынтересно отметить, что ч. 1 ст. 280 УПК РФ, закрепляющая особенности допроса несовершеннолетних потерпевших или свидетелей в суде, предусматривает обязательное участие педагога и (или) психолога, если данные лица имеют физические или психические недостатки. Думается, что конструкция рассмотренных норм также требует ее совершенствования. Считаю необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280, ч. 3 ст. 425 УПК РФ следующего содержания: «При производстве следственных действий с участием лиц, не достигших возраста шестнадцати лет либо достигших этого возраста, но имеющих физические или психические недостатки, участие педагога и (или) психолога обязательно».

В-четвертых, обязательное участие защитника предусмотрено, если подозреваемый, обвиняемый, подсудимый является несовершеннолетним (п. 2 ч. 1 ст. 51, ч. 2 ст. 425 УПК РФ).

Участие адвоката в качестве представителя потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, обеспечивается дознавателем, следователем или судом по ходатайству его законного представителя (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ). В целях обеспечения состязательности уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего участие адвоката в качестве его представителя в уголовном судопроизводстве должно быть обеспечено в любом случае вне зависимости от заявленного ходатайства его законного представителя и не должно ограничиваться ни возрастной категорией 16 лет, ни категорией преступлений против половой свободы несовершеннолетних.

В отношении же несовершеннолетнего свидетеля участие адвоката предусмотрено лишь общими правилами допроса свидетелей и обеспечивается им самим (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Считаю, что несовершеннолетний самостоятельно этим правом воспользоваться не сможет, поэтому необходимо наделять законного представителя несовершеннолетнего свидетеля правом ходатайствовать о приглашении адвоката.

Таким образом, именно категория «возраст» позволяет установить необходимый универсальный объем обязательных гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Под уголовно-процессуальным несовершеннолетием следует понимать недостижение лицом к моменту производства по уголовному делу возраста 21 года. По достижении участниками уголовно-процессуальных правоотношений 21 года применение специальных правил прекращается.

При определении возраста несовершеннолетия как категории реализации уголовных, уголовно-процессуальных отношений немало важное значение имеют положения криминологической науки.

Учет возрастных характеристик как биологической предпосылки способности усваивать определенные правила поведения (как свои, так и окружающих) и нести ответственность за свои поступки при изучении личности несовершеннолетнего преступника, при построении ее поискового портрета, при выдвигании версий, планировании расследования в части организации и тактической составляющей позволяет наиболее оптимально решить поставленные задачи. Без учета социально-психологических характеристик несовершеннолетних как представителей определенной возрастной группы расследование уголовных дел с их участием осложняется трудностями, связанными с тактической составляющей получения процессуально значимой информации, особенно в части установления истинных мотивов и целей их поступков, хронологии произошедшего и роли каждого из участников преступной деятельности (при совершении преступления в группе), что в конечном итоге приводит к объективному затягиванию расследования. Если же речь идет о несовершеннолетнем свидетеле или потерпевшем, то трудности с позиции тактики могут быть связаны с правильностью восприятия, оценки и трактовки произошедшего (наблюдаемого) преступного события.

Аддиктивное поведение, реакции эмансипации и увлечения, эгоцентризм, зависимость от влияния референтной группы в сочетании с тяготением к сплочению, эмоциональной чувствительностью и дихотомическим мышлением несо-

вершеннолетних являются теми особенностями характеристики их личности, которые должны быть учтены при выборе тактических приемов и комбинаций и выработке тактики поведения сотрудников правоохранительных органов в рамках производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних.

Следует отдельно обозначить эту корреляционную зависимость: особенности тактики следственных действий с участием несовершеннолетних напрямую предопределяются правовыми и социально-психологическими особенностями данной возрастной группы. Более того, тактика любого следственного действия с участием несовершеннолетнего отличается повышенной сложностью именно ввиду занимаемой им социальной роли и его психофизиологических возрастных особенностей. Особенно это заметно при разработке тактики и выборе применяемых тактических приемов и комбинаций, используемых при подготовке к производству и непосредственно при проведении контактных следственных действий, таких как допрос, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, предъявление для опознания и очная ставка.

Как показал анализ практики взаимодействия несовершеннолетних с представителями власти¹³, особенно если у первых наблюдается явно демонстративное делинквентное поведение, следственные действия с участием несовершеннолетних протекают в явно выраженной конфликтной форме со строгим соперничеством. Имеют место агрессия и «запирание», вызванные страхом, неспособность адекватно оценить реальность или отрицание происходящего, сокрытие правды и дача ложных показаний (в некоторых случаях доходящих до абсурда). Даже в тех случаях, когда несовершеннолетние шли на контакт, наблюдались определенные трудности в получении достоверных данных ввиду их внутренних страхов и эмоциональных барьеров.

¹³ В период с 2018 по 2022 г. авторами было проведено анкетирование сотрудников Управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних Иркутской области, а также сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних в Иркутске и Ангарске. В опросе приняли участие 84 сотрудника указанных подразделений. В ходе опроса ставились вопросы о поведении несовершеннолетних на следственных действиях, их желании сотрудничать со следствием, о наличии влияния на них третьих лиц, об оценке несовершеннолетними своего статуса в ходе предварительного расследования и в суде, об отношении к следователю (судье) и о восприятии происходящего с ними.

Следует учитывать, что как при назначении, так и при производстве следственных действий возрастные особенности и уровень интеллектуального развития несовершеннолетнего не всегда позволяют ему уяснить сущность таких действий, что, несомненно, приводит к недостижению поставленных тактической и процессуальной целей, а также банально к бесполезной трате времени. Так, непонимание несовершеннолетним сути следственного эксперимента, проведение которого невозможно без его участия, может вызвать затруднения, связанные с чистотой проводимых опытных действий, необходимой очередностью, последовательностью и совокупностью отдельных опытных действий внутри каждого этапа эксперимента.

Тактика любого следственного действия с участием несовершеннолетнего должна быть построена с учетом его психической незрелости ввиду возраста. Но чаще всего трудности возникают при производстве допроса с участием несовершеннолетних. Классическая рекомендация по применению тактической комбинации «допущение легенды — предъявление доказательств» может не сработать с несовершеннолетним именно по причине возрастных особенностей развития его психики. Допустим, следователь, как это рекомендует теория криминалистики, замечая ложь в показаниях несовершеннолетнего, продолжает его внимательно слушать, всячески поощряет рассказывание «легенды», а несовершеннолетний, ввиду его возрастной склонности к фантазированию и отсутствия способности всегда понимать выдумку и отличать ее от реальности, придумывает все новые и новые факты. По окончании стадии свободного рассказа следователь начинает предъявлять доказательства, опровергающие рассказ несовершеннолетнего. С чем может столкнуться следователь? Самое распространенное: несовершеннолетний уже забыл, что он только что нафантазировал (особенно, если это какие-то детали), или действительно поверил, что было именно так, как он рассказал только что, а не так, как свидетельствуют предъявляемые доказательства (особенно, если его фантазирование было в рамках способности памяти к заполнению пробелов). Именно поэтому в отношении несовершеннолетних рекомендуется не только не способствовать «допущению легенды», но и пресекать ее на первоначальном этапе, не давая развиваться лжи, и не поощрять самообман несовершеннолетнего.

Кроме того, такая поимка на лжи несовершеннолетним чаще всего воспринимается враждебно, может способствовать агрессии. Это связано и с тем, что в силу своих возрастных особенностей несовершеннолетний не способен адекватно оценить и учесть все особенности и детали происходящего с ним: арест, судебное преследование, осуждение и отправка в колонию не воспринимаются как реальное последствие от содеянного. До последнего момента они думают, что «это происходит не с ними», что «их не посадят»¹⁴. Именно поэтому следователю так важно не только установить с несовершеннолетним допрашиваемым психологический контакт и всячески способствовать формированию положительного отношения к себе как к представителю власти (следователь не должен ассоциироваться с врагом), но и способствовать осознанию им реальности происходящего и неотвратимости наказания.

При проведении допроса рекомендуется всегда выяснять два круга обстоятельств, помимо предмета допроса:

– источник информации: был ли несовершеннолетний очевидцем данных событий или узнал о произошедшем от третьих лиц и пересказывает услышанное; также целесообразно уточнить, почему ему запомнились именно эти обстоятельства (детали), почему обратил внимание именно на эти данные (сведения);

– влияние внешних факторов: рассказывал ли допрашиваемый о произошедшем кому-нибудь и какова была их реакция, проявляли ли они повышенный интерес к событиям, интересующим следствие, высказывали ли оценочные мнения или суждения (таким образом они могли повлиять на позицию несовершеннолетнего и манеру изложения свободного рассказа); возможно, несовершеннолетний получил перед допросом советы (указания) относительно его поведения на допросе и того, что следует говорить, а что нет.

В случае если в ходе допроса у следователя возникают подозрения, что несовершеннолетний рассказывает чужую историю или преувеличивает степень реальности произошедших событий, рекомендуется сразу же, после завершения свободного рассказа, задать уточняющие вопросы, а также предложить изложить отдельные моменты только что описанного события иными словами, с объяснением смысла

и значения того или иного слова (словосочетания). Например, уточнить, что означает в понимании допрашиваемого «сильно ударил» или «оскорбил». Кроме того, такой тактический прием, как «детализация показаний», который в теории криминалистической тактики рекомендуется применять к несовершеннолетним, целесообразно использовать именно в вопросно-ответной стадии допроса, после свободного рассказа и его уточнения. В этом случае применение данного тактического приема будет способствовать минимизации вероятности фантазирования новой легенды, так как ее придется как-то соотнести с тем, что уже было только что сообщено и зафиксировано.

Кроме того, существующую в настоящее время тактическую рекомендацию по обязательному применению видео- или аудиофиксации при производстве допроса несовершеннолетних следует расширить и рекомендовать фиксировать с использованием указанных технических средств хода и результатов всех следственных действий с участием несовершеннолетних, особенно в тех случаях, когда необходимо отследить невербальные реакции на те или иные вопросы и действия следователя и участвующих в следственном действии лиц.

Отдельно необходимо отметить, что в тактическом плане в корне будет неверен формальный подход к соблюдению требования ст. 191, 425 УПК РФ в части участия педагога или психолога при производстве допроса. Следователь должен подойти ответственно к выбору данных участников, ведь их роль состоит не столько в оказании содействия в формулировании и оценке корректности задаваемых вопросов с учетом возраста, сколько в анализе эмоциональных реакций несовершеннолетнего допрашиваемого с учетом уровня его интеллектуального развития. Более того, в некоторых случаях целесообразно начинать допрос именно с беседы с педагогом (психологом) или законным представителем (адвокатом) несовершеннолетнего допрашиваемого: это даст ему время освоиться, привыкнуть, оценить отсутствие опасности для себя, что в свое время будет способствовать гармоничному вовлечению его в разговор и переходу непосредственно к сути допроса. Несовершеннолетний должен понимать, что ему ничего не угрожает, он должен чувствовать себя защищенным, испытывать желание быть не просто выслушанным, а услышанным. Только тогда есть вероятность успешности контактного след-

¹⁴ По материалам анкетирования.

ственного действия и достижения его тактических и процессуальных целей.

Исследование вопроса определения возраста с применением сквозного, междисциплинарного подхода в науках криминального цикла позволило выработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию этой катего-

рии с учетом потребностей теории и практики и, как следствие, сформировать единые методы стратегии уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних, а также общие принципы защиты и охраны прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mears D.P. Support for balanced juvenile justice: assessing views about youth, rehabilitation, and punishment / D.P. Mears, J.T. Pickett, C. Mancini. — DOI 10.1007/S10940-014-9234-5 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, № 3. — P. 459–479.
2. Zimmerman G.M. Investigating the Role of Neighborhood Youth Organizations in Preventing Adolescent Violent Offending: Evidence from Chicago / G.M. Zimmerman, B.C. Welsh, C. Posick. — DOI 10.1007/s10940-014-9238-1 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, № 4. — P. 565–593.
3. Spratt Ja.B. Do youthful offenders reject adult punishment norms / Ja.B. Spratt // *Canadian journal of criminology and criminal justice*. — 2003. — Vol. 45, № 2. — P. 244–258.
4. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла / В.В. Лунеев. — EDN IAIJYF // *Государство и право*. — 2007. — № 5. — С. 39–58.
5. Галимов О.Х. Охрана прав и законных интересов малолетних на предварительном расследовании : учеб. пособие / О.Х. Галимов. — Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000. — 71 с.
6. Ожегов С.И. *Словарь русского языка : 70 000 слов* / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. — Москва : Рус. яз., 1990. — 921 с.
7. Прокументов Л.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации / Л.М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. — 176 с.
8. Сутурин М.А. Возраст как критерий привлечения к уголовной ответственности / М.А. Сутурин, В.А. Терентьева. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).555-564. — EDN GWHQKF // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 555–564.
9. Алексеева Е.А. Трансформация возрастной структуры преступников в России и за рубежом / Е.А. Алексеева. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).135-146. — EDN ENOXEZ // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 135–146.
10. Agnew R. Crime and time. The temporal patterning of causal variables / R. Agnew. — DOI 10.1177/1362480609356671 // *Theoretical Criminology*. — 2011. — Vol. 15, № 2. — P. 115–139.
11. Maruna Sh. Criminology and the person / Sh. Maruna, A. Matravers // *Theoretical Criminology*. — 2007. — Vol. 11, № 4. — P. 427–442.
12. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.Д. Прошляков. — Екатеринбург, 1997. — 271 с.
13. Марковичева Е.В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики / Е.В. Марковичева. — Орел : Орлов. гос. ун-т, 2011. — 424 с.
14. Латыпов В.С. Несовершеннолетние свидетели в процессуальном законодательстве России / В.С. Латыпов. — EDN OWYYUP // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2012. — № 5-1. — С. 107–109.
15. Тетюев С.В. Отзыв официального оппонента о диссертации В.С. Латыпова «Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики» / С.В. Тетюев. — EDN RZTNKZ // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право*. — 2014. — Т. 14, № 1. — С. 117–121.
16. Лебедева Ю.В. Значение, структура и соотношение понятий «психологический контакт» и «установление психологического контакта» в деятельности следователя / Ю.В. Лебедева. — DOI 10.17150/2411-6122.2021.3.60-70. — EDN ZHMMUF // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2021. — № 3. — С. 60–70.

REFERENCES

1. Mears D.P., Pickett J.T., Mancini C. Support for Balanced Juvenile Justice: Assessing Views about Youth, Rehabilitation, and Punishment. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, no. 3, pp. 459–479. DOI: 10.1007/S10940-014-9234-5.
2. Zimmerman G.M., Welsh B.C., Posick C. Investigating the Role of Neighborhood Youth Organizations in Preventing Adolescent Violent Offending: Evidence from Chicago. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, no. 4, pp. 565–593. DOI: 10.1007/s10940-014-9238-1.
3. Spratt Ja.B. Do Youthful Offenders Reject Adult Punishment Norms. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 2003, vol. 45, no. 2, pp. 244–258.
4. Luneev V.V. Problems of Legal Sciences of the Criminal Cycle. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 5, pp. 39–58. (In Russian). EDN: IAIJYF.
5. Galimov O.Kh. *The Protection of Rights and Lawful Interests of Minors during Preliminary Investigation*. Krasnoyarsk, Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2000. 71 p.
6. Ozhegov S.I.; Shvedova N.Yu. (ed.). *Dictionary of the Russian language*. 22nd ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1990, 921 p.
7. Prokumentov L.M. *Criminal Liability of Minors under Russian Legislation*. Tomsk State University Publ., 2015, 176 p.

8. Suturin M.A. Age Criteria for Criminal Responsibility. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 555–564. (In Russian). EDN: GWHQKF. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).555-564.
9. Alekseeva E.A. Transformation of the Age Structure of Criminals in Russia and Abroad. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 135–146. (In Russian). EDN: ENOXEZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).135-146.
10. Agnew R. Crime and Time. The Temporal Patterning of Causal Variables. *Theoretical Criminology*, 2011, Vol. 15, no. 2, pp. 115–139. DOI: 10.1177/1362480609356671.
11. Maruna Sh., Matravers A. Criminology and the Person. *Theoretical Criminology*, 2007, vol. 11, no. 4, pp. 427–442.
12. Proshlyakov A.D. *Interconnection of Material and Procedural Criminal Law. Cand. Diss.* Yekaterinburg, 1997. 271 p.
13. Markovicheva E.V. *Criminal Proceedings against Minors: Problems of Theory and Practice.* Orel State University Publ., 2011. 424 p.
14. Latypov V.S. Minor Witnesses in Russian Procedural Legislation. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 5-1, pp. 107–109. (In Russian). EDN: OWYYUP.
15. Tetyuev S.V. Review of the Official Opponent on the Thesis of V.S. Latypova "Other Participants in Criminal Proceedings: Problems of Theory, Regulation and Practice". *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 117–121. (In Russian). EDN: RZTNKZ.
16. Lebedeva Yu.V. The Meaning, Structure and Relationships between the Concepts "Psychological Contact" and "Establishment of a Psychological Contact" in the Work of the Investigator. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no. 3, pp. 60–70. (In Russian). EDN: ZHMMUF. DOI: 10.17150/2411-6122.2021.3.60-70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвинцева Наталья Юрьевна — доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Сутурин Михаил Александрович — доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, главный советник Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: mialsu@yandex.ru.

Фомина Инна Анатольевна — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: iafomina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Литвинцева Н.Ю. Категория «возраст несовершеннолетия» и ее оценка в науках криминального цикла: междисциплинарный подход / Н.Ю. Литвинцева, М.А. Сутурин, И.А. Фомина. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).712-725. — EDN TJCSIW // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 6. — С. 712–725.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Litvintseva, Natalya Yu. — Ass. Professor, Chair of Criminal Process and Prosecutor's Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Suturin, Mikhail A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Chief Adviser to the Commissioner for Human Rights in Irkutsk Region, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: mialsu@yandex.ru.

Fomina, Inna A. — Senior Lecturer, Chair of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ph.D. in Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: iafomina@mail.ru.

FOR CITATION

Litvintseva N.Yu., Suturin M.A., Fomina I.A. The Category «The Age of Majority» and its Assessment in Penal Sciences: an Interdisciplinary Approach. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 712–725. (In Russian). EDN: TJCSIW. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(6).712-725.